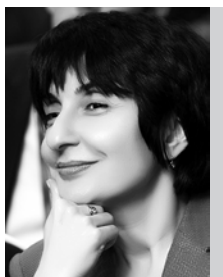

УДК 327

GLOBAL ENGLISH КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТРАНСЛЯТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Пашаева Гюльшен Мамедали кызы

Центр Стратегических Исследований
при Президенте Азербайджанской Республики,
заместитель директора,
кандидат филологических наук, доцент,
Баку, Азербайджан,
E-mail: gulshan_pm@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматривается роль английского языка как универсального транслятора «soft power» для государств, в которых английский язык является иностранным. Основываясь на статистических данных, предлагается использовать показатель уровня владения английским языком в качестве предварительной оценки потенциала «мягкой силы» неанглоязычных стран. В статье также подчеркивается роль русского языка как транслятора «мягкой силы» для стран постсоветского пространства.

Ключевые понятия:

мягкая сила, языковая политика, английский язык, русский язык.

Сегодня, когда в международных отношениях все большее значение начинают приобретать невоенные и неэкономические ресурсы внешнеполитического влияния, растет интерес к такому собирательному концепту как soft power («мягкая сила»). Как известно, Джозеф Най, впервые предложивший этот концепт, полагал, что soft power страны опирается в основном на три ресурса: культура (где эта культура привлекает остальных), политические ценности (когда страна придерживается этих ценностей у себя дома и за рубежом) и внешнюю политику (когда она выглядит легитимной, нравственной и авторитетной) [3, с. 11].

При таком подходе интуитивно ясно, что у «мягкой силы» есть т.н. «языковое измерение» [12], так как язык, с одной стороны, является неотъемлемой частью культуры, а, с другой, представляет собой наиболее естественный транслятор культурных и политических ценностей. Надо отметить, что ведущие мировые акторы уже давно и довольно успешно используют привлекательность своих

языков, продвижение которых стало важной составной частью их публичной дипломатии [11].

Взаимосвязь «мягкой силы» и языка отчетливо проявляется и при рассмотрении итогов рейтинга «мягкой силы» государств «The Soft Power 30», опубликованного международной консалтинговой компанией Portland [8]. Составители этого рейтинга при определении индекса культурной привлекательности стран используют также результаты рейтинга наиболее влиятельных языков мира Power Language Index [5]. Справедливости ради следует отметить, что К. Чан, автор Power Language Index, при составлении индекса использует ряд показателей, которые можно также рассматривать в качестве компонентов «мягкой силы» соответствующих стран. В частности, речь идет о наличии информационных ресурсов на различных языках в сети Интернет, количестве выпускаемых фильмов, издаваемых академических журналов, вузов, входящих в мировые рейтинги.

Поэтому неудивительно, что языки тридцати стран, вошедших в рейтинг «мягкой силы» государств, также занимают первые 27 позиций и в Power Language Index, за исключением греческого и венгерского, занявших в рейтинге языков 32 и 37 места соответственно. Еще одной особенностью рейтинга «мягкой силы» государств, связанной с языками, является то, что в этот рейтинг наряду с такими глобальными и региональными акторами, как США, Великобритания, Канада и Австралия, входят также Новая Зеландия и Ирландия, для населения которых английский язык является основным.

Можно полагать, что на высокие рейтинговые позиции последних двух стран определенное влияние оказывает фактор английского языка, особенно на фоне процессов формирования глобальной экономики, ведущим языком которой является *Global English* [10]. Фактически, благодаря способности любого языка объединять и сближать представителей различных этносов, религий и социальных групп, эти страны, основываясь на широкой распространённости английского языка, могут активно использовать возможности англоязычного мира для формирования соответствующей внешнеполитической повестки и продвижения собственных национальных интересов в информационном, культурном, научно-образовательном пространствах. Впрочем, верно и обратное, т.е. привлекательность этих стран в контексте «мягкой силы» в немалой степени обусловлена их изначальной англоязычностью. В частности, в рейтинге «мягкой силы» быстроразвивающихся экономик (Rapid-growth markets soft power index), опубликованном в 2012 году и охватывающим 20 стран, в качестве одного из параметров использовался уровень свободного владения английским языком (English fluency). В качестве примера здесь можно упомянуть Индию, имеющую преимущество перед другими странами, которые из-за слабого распространения английского языка испытывают трудности в процессах интеграции и общения с англоязычным миром [6, с. 12].

Более того, ряд исследователей полагают, что в условиях глобализации английский язык становится существенным ресурсом, который каждое общество может использовать для собственных целей. Однако, глобальное распространение английского (или его различных версий) еще не означает формирование единой мировой культуры, так как этот язык в разных культурах и обществах используется для продвижения различных ценностей, убеждений и мировоззрений [2, с. 68]. В частности, Китай пытается активно использовать английский язык, чтобы

продвигать уникальные ценности китайского общества и культуры. Несмотря на усилия по популяризации китайского языка, его распространение и влияние в мире по-прежнему ограничены, в связи с чем использование английского языка является неизбежным выбором и способом обеспечения безопасности в контексте укрепления позиций Китая в продвижении китайской культуры за рубежом [9].

Таким образом, английский язык становится своего рода «паспортом для общения на глобальном уровне», а требования знания английского языка как иностранного (English as a Foreign Language, EFL) для изучения многих предметов в вузах делает его рабочим языком для растущей доли лиц, формирующих общественное мнение [7, с. 5]. А с учетом возможностей глобальной сети Интернет, все эти процессы могут привести к усилению влияния неанглоязычных стран. Одновременно, наличие в таких странах значительного числа людей, владеющих английским языком, может создать благоприятные условия для усиления воздействия (трансляции) «мягкой силы», так как важнейшей характеристикой «мягкой силы» являются ее относительная независимость от официальных структур, в отличие, например, от «жесткой силы», целиком контролируемой правительством. Эту особенность отмечает и Дж. Най, когда указывает, что американскую «мягкую силу» «в значительной степени создает не государство, а гражданское общество – все, начиная с университетов и фондов, и кончая Голливудом и поп-культурой» [4].

Исходя из вышеизложенного, можно считать, что в современных условиях для неанглоязычных стран английский язык выполняет функцию основного транслятора «мягкой силы». Следовательно, высокий рейтинг «мягкой силы» данной страны должен соответствовать, как правило, более высокой доле населения, владеющей английским языком. Одним из возможных источников сведений об уровне владения английским языком может служить рейтинг EF English Proficiency Index (EF EPI) [1], рассчитываемый компанией Education First.

Для статистического обоснования взаимосвязи мягкой силы и уровня владения английским языком нами было проведено вычисление коэффициента корреляции между рейтингом «мягкой силы» ряда государств, за исключением англоязычных стран (США, Великобритания, Канада, Австралии, Новой Зеландии и Ирландии), а также Франции, Германии и Японии, входящих в «Большую семерку», и соответствующим рейтингом этих государств в English Proficiency Index (см. таблицу 1).

Таблица 1.

№	Страна	Рейтинг «мягкой силы»	Рейтинг владения английским языком
1	Швейцария	70,45	60,17
2	Швеция	69,32	70,81
3	Нидерланды	67,89	72,16
4	Дания	65,48	71,15
5	Норвегия	65,2	68,54
6	Австрия	63,75	62,13

7	Испания	63,57	56,66
8	Бельгия	62,8	60,9
9	Финляндия	62,37	66,61
10	Сингапур	58,55	63,52
11	Южная Корея	58,4	54,87
12	Португалия	54,43	59,68
13	Польша	51,27	61,49
14	Китай	50,5	50,94
15	Россия	49,6	52,32
16	Чехия	48,73	59,09
17	Венгрия	48,16	58,72
18	Бразилия	47,41	51,05
19	Турция	45,35	47,89

Статистический расчет по данным таблицы 1 показывает, что коэффициент ранговой корреляции Спирмена в данном случае равен 0,77. Как известно, близкое к единице значение этого коэффициента свидетельствует о том, что между рангом «мягкой силы» страны и страновым рангом владения английским языком существует статистически значимая положительная корреляционная зависимость. Как уже указывалось, эта зависимость является отражением того факта, что во многих странах для продвижения собственной «мягкой силы» (если она существует) необходим соответствующий уровень владения английским языком, так как именно английский язык является наилучшим транслятором «мягкой силы» на глобальном уровне.

Одновременно следует подчеркнуть, что с практической точки зрения взаимосвязь потенциала «мягкой силы» и уровня распространения английского языка, как универсального транслятора «мягкой силы», имеет большое значение и для тех малых стран, которые только находятся в начале процесса формирования собственной «мягкой силы». К числу таких стран относится и Азербайджан, который, находясь в сложном геополитическом окружении, может за счет собственной «мягкой силы» нейтрализовать ряд вызовов и угроз национальной безопасности. Согласно уже упоминавшемуся рейтингу EF EPI Азербайджан по уровню владения английским языком занимает 57 место среди 72 стран мира, уступая в европейском регионе России, Украине и Турции, а также соседнему Казахстану. Таким образом, в контексте мягкой силы в сфере языковой политики в Азербайджане следует обратить первоочередное внимание на реализацию специальных мер по увеличению доли населения Азербайджана, свободно владеющего английским языком.

Заметим также, что если *Global English* выполняет функцию универсального транслятора мягкой силы на мировом уровне, то и русский язык может с успехом играть аналогичную роль на постсоветском пространстве. В этой связи можно упомянуть выступление Президента Грузии Г. Маргвелашвили на международном форуме народной дипломатии «НАТО – Грузия», в котором он заявил

о важности использования русского языка в процессе защиты интересов Грузии. В выступлении он, с одной стороны, рассматривал русский язык как «инструмент» и даже «оружие», которое может быть использовано «внешним врагом» против национальных интересов страны [14]. С другой стороны, по его мнению, «использование русского языка необходимо для того, чтобы сказать правду о нашей политике и жизни, особенно это важно в процессе распространения реальной и правдивой информации о Грузии», а также «при общении с абхазами и осетинами» [13].

Как представляется, рассмотрение русского языка, именно как транслятора «мягкой силы», может позволить в известной степени деполитизировать вопрос о роли русского языка, который в ряде случаев превращается в заложника двухсторонних отношений между Россией и бывшими союзными республиками. Можно полагать, что такой прагматичный подход будет способствовать превращению этого языка в надежный канал информационно-культурного взаимодействия, как между официальными органами, так и общественностью постсоветских стран.

1. EF English Proficiency Index. The sixth edition. URL: <http://www.ef.com/epi>.
2. I-Chung Ke. A Global Language without a Global Culture: From Basic English to Global English // English as a Global Language Education (EaGLE) Journal, 2015, vol. 1, No. 1, p. 68. <http://www.ncku.edu.tw/lang/chinese/eagle/04%20Ke.pdf>.
3. Nye, Joseph S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, p. 11.
4. Nye, Joseph S. Jr. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign policy, April 29, 2013 URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.
5. Power Language Index. May 2016. Kai L. Chan, PhD. URL: http://www.kailchan.ca/wp-content/uploads/2016/12/Kai-Chan_Power-Language-Index-full-report_2016_v2.pdf.
6. Rapid-growth markets soft power index. P.12. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/\\$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf).
7. Rose, Richard. The Internet goes EFL (English as a Foreign Language) // Issues in Technology Innovation, Number 5, January 2011, p. 5. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01_egl_rose.pdf.
8. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2017. URL: <http://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf>.
9. Zhang Bingtian. The Exercise of Power: Analysis of the Role of China English in Cross-Cultural Communication. // Cross-Cultural Communication. Vol. 11, No. 10, 2015, pp. 9–14. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/ccc/article/view/7561/8381>.
10. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 2001, с. 227–229.
11. Пашаева Г.М. Мировые языки как составная часть публичной дипломатии // «SAM Комментарии», выпуск XVI, ноябрь, 2016, Баку. URL: <http://sam.az/articles/view/mnpobbie-r3bikn-kak-coctabhar-hactb-tty6jinhon-dnnjiomatnn/az>.

12. Пашаева Г.М. Языковое измерение soft power. // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2014, № 1 (14). С. 76–82.

13. Президент Грузии впервые за последние годы заявил о важности использования русского языка // tass.ru, 11 апреля 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4173376>.

14. Президент Грузии вспомнил о русском языке // Коммерсант.ru, 11 апреля, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3268357>.

References

1. EF English Proficiency Index. The sixth edition. URL: <http://www.ef.com/epi>.

2. I-Chung Ke. A Global Language without a Global Culture: From Basic English to Global English // English as a Global Language Education (EaGLE) Journal, 2015, vol. 1, No. 1, p. 68. <http://www.ncku.edu.tw/lang/chinese/eagle/04%20Ke.pdf>.

3. Nye, Joseph S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, p. 11.

4. Nye, Joseph S. Jr. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign policy, April 29, 2013 URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.

5. Power Language Index. May 2016. Kai L. Chan, PhD. URL: http://www.kailchan.ca/wp-content/uploads/2016/12/Kai-Chan_Power-Language-Index-full-report_2016_v2.pdf.

6. Rapid-growth markets soft power index. P.12. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets_Soft_power_index/\\$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf).

7. Rose, Richard. The Internet goes EFL (English as a Foreign Language) // Issues in Technology Innovation, Number 5, January 2011, p. 5. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/01_efl_rose.pdf.

8. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2017. URL: <http://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf>.

9. Zhang Bingtian. The Exercise of Power: Analysis of the Role of China English in Cross-Cultural Communication. // Cross-Cultural Communication. Vol. 11, No. 10, 2015, pp. 9–14. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/ccc/article/view/7561/8381>.

10. Kristal D. Anglijskij yazyk kak global'nyj. M.: Ves' mir, 2001, c. 227–229.

11. Pashaeva G.M. Mirovye yazyki kak sostavnaya chast' publichnoj diplomatii // «SAM Kommentarii», vypusk XVI, noyabr', 2016, Baku. URL: <http://sam.az/articles/view/mnpobbie-r3bikn-kak-coctabhar-hactb-ty6jinhhon-dnnjiomatn/az>.

12. Pashaeva G.M. Yazykovoe izmerenie soft power. // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2014, № 1 (14). С. 76–82.

13. Prezident Gruzii v pervye za poslednie gody zayavil o vazhnosti ispol'zovaniya russkogo yazyka // tass.ru, 11 aprelya 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4173376>.

14. Prezident Gruzii vspomnil o russkom yazyke // Kommersant.ru, 11 aprelya, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3268357>.

UDC 327

GLOBAL ENGLISH AS A UNIVERSAL TRANSLATOR OF «SOFT POWER»

Pashayeva Gulshan Mamedali kyzy,

Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan,
Deputy Director,
PhD in Philology, Associate Professor,
Baku, Azerbaijan,
E-mail: gulshan_pm@yahoo.com

Annotation

The article focuses on the role of English language as a universal translator of “soft power” for states where English is a foreign language. Based on statistical data it is proposed that the level of English proficiency should be used as a preliminary evaluation of the “soft power” potential of non-English speaking countries. The role of Russian language as a translator of “soft power” for the post-soviet states is also underlined in the article.

Key concepts:

soft power, language policy, English, Russian language.